

Кифа

И сами, как живые
камни, устройте
из себя дом духовный

В газете использованы
материалы сайтов sfi.ru и psmb.ru
Электронная версия газеты gazetakifa.ru

9 (147)
июль 2012

Издание Преображенского содружества
малых православных братств

Одобрено Синодальным информационным
отделом Русской Православной Церкви

С. 5

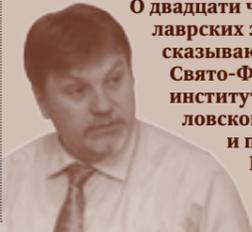
Ищите правду...

Обзор интернет-дискуссии, развернувшейся вокруг фильма «Разоблачение: pro et contra», появившегося в сети в последний день июня, показал много нового и интересного

С. 6

Праздник образования

О двадцати четырех бакалаврских защитах рассказывают проректор Свято-Филаретовского института, декан богословского факультета и председатель Государственной аттестационной комиссии

С. 7

Хочу поделиться радостью!

В своем письме студентка СФИ, только что защитившаяся с отличием, рассказывает о том, как проходили в этом году бакалаврские защиты с точки зрения соискателей

В приложении «Открытая встреча»

мы публикуем полемизирующие друг с другом материалы о двух последних романах одного из самых известных прозаиков XX века – Германа Гессе. Хотя писатель не был христианином, его произведения заставляют нас задуматься в том числе и о нашей церковной жизни

Неперемолотый владыка

«Молитва всех вас спасет»
Последние слова свт. Афанасия (Сахарова)

2 июля (по новому стилю – пятнадцатого) исполнилось 125 лет со дня рождения святителя Афанасия (Сахарова), который из 33 лет епископского служения 22 года провел в заключении и почти 7 лет в ссылке.

Всю пастырскую деятельность владыки пронизывала мысль о необходимости связи всех русских православных людей в молитве, взаимного поминовения, ходатайства друг за друга перед Богом. Владыка состоял в переписке с большим количеством людей. Так, духовные чада о. Алексия и о. Сергия Мечёвых обращались к нему: «Просим Бога, чтобы Он продлил Вашу жизнь для молитв за нас, рассеянных чад Маросейских».

По словам о. Всеволода Шпиллера, такого святителя, как владыка Афанасий, не было в XX веке ни в одной из Поместных церквей.

Детство

Родился Сережа Сахаров в семье с традиционным провинциальным укладом. Его отец, Григорий Сахаров, умер, когда мальчику было всего полтора года. Уже на старости лет, вспоминая о людях, которые поддерживали его в лагерях, владыка писал: «Когда христианские родители, исполняя завет Христа, помогают чужим, отнимая нечто у детей, всё это отнятое сугубо возвратится детям. Утверждаю это, ибо знаю по собственному опыту. Я не помню своего отца, но все знающие его, с кем мне приходилось

встречаться, всегда отзывались о нем как о человеке очень добром, отзывчивом, готовом всякому помочь и советом, и личной услугой, и материально. Запасных средств у него никогда не было. Когда родился я, мама говорила ему, что теперь надо быть поэкономнее. Но отец отвечал: «Теперь я помогаю людям, а когда у Сережи будет нужда, найдутся люди, которые ему помогут». И это точно сбылось. Мне приходилось бывать в очень тяжелых условиях, и всегда находились добрые люди, которые заботились обо мне...»

Мать, простая крестьянка Матрона Андреевна, посвятила Сереже всю свою жизнь. Именно у нее мальчик научился прекрасно шить и вышивать бисером. Позже, в ссылке, лишенный возможности служить и заниматься научной работой, свт. Афанасий шил себе облачения и вышивал бисером ризы на иконы. Его и похоронили в облачении собственной работы. Мать свт. Афанасия умерла в ссылке; по его словам, это была первая и единственно невозполнимая утрата в его жизни.

И не удивительно, ведь жизненный путь будущего архиерея был в значительной мере определен его матерью, которая позаботилась о том, чтобы дать сыну духовное образование.

Преподавательская деятельность

12 октября 1912 года, по окончании академии, Сергия постригают в монахи

с именем Афанасий, а в скором времени рукополагают в иеродиакона и в иеромонаха и определяют в Полтавскую духовную семинарию преподавателем литургики и гомилетики. Через год он получает кафедру во Владимирской семинарии. Иеромонах Афанасий был блестящим преподавателем, о чем свидетельствуют многочисленные воспоминания его учеников.

Во времена его преподавательской деятельности остро обсуждался вопрос о месте богослужения в жизни христианина. Тогда выпускники духовных школ плохо знали содержание богослужебных книг. М. Муретов, один из учителей будущего епископа Афанасия, вспоминал о своем детском и юношеском восприятии богослужебных книг: «В детстве и во время училищного курса, когда я стоял в родном храме, эти громады в почерневших переплетах казались мне чем-то вроде сказочной чернокнижной магии». Иеромонах Афанасий при преподавании литургики всячески пытался изменить такое отношение к богослужебным книгам: его задачей было показать важность богослужения в жизни каждого христианина.

По мнению иеромонаха Афанасия, в реальной жизни лишь немногие сознательно участвуют в богослужении. Свято это не только с тем, что некоторые тексты оказываются непонятными, но и с тем, что вся церковная служба, изначально исполненная смысла, искажает-

ся, поскольку этот смысл не понимают даже совершители таинств. «Не участвуя в общей церковной молитве (наше посещение храма не всегда означает такое участие), мы становимся в положении руки, которая, отказавшись от крови остального тела, отсыхает».

Окончание темы на с. 4

Христианство не равно христианской культуре

14 июля исполнилось 110 лет со дня рождения выдающегося московского пастыря протоиерея Всеволода Шпиллера

С 1951 года и до кончины в 1984 году отец Всеволод Шпиллер был настоятелем Николо-Кузнецкого храма в центре Москвы. В те годы ему удалось собрать под своим духовным руководством самый многочисленный приход в Москве, где большую часть составляла молодежь и интеллигенция. Послушать его проповеди приезжали не только москвичи, но и верующие из других городов.

Конечно, деятельность отца Всеволода находилась под пристальным вниманием компетентных органов. В храме всегда были соглядатаи, тайные агенты, поэтому ходить туда было небезопасно.

Кроме того, поскольку священникам было запрещено открыто общаться с прихожанами, даже многие исповеди принимались тайно. Новому человеку, появившемуся на приходе, было непросто войти в доверие и найти возможность лично пообщаться с батюшкой. Однако отец Всеволод шел на риск и говорил с теми людьми, кого он знал хотя бы по богослужению. Именно таким образом установились его отношения и с молодым Георгием Кочетковым, который пришел к отцу Всеволоду, ища духовного руководства. Это произошло в 1973 году, когда вокруг будущего отца Георгия уже сложился круг молодых верующих людей. Все они постепенно также

стали прихожанами Николо-Кузнецкого храма, ходили к отцу Всеволоду на исповеди, регулярно бывали на литургии. Отец Всеволод бывал и дома в гостях у Георгия Кочеткова и его друзей. Он дал Георгию благословение проводить регулярные агапы – праздничные «трапезы любви» после литургии, помогал ему готовиться к принятию сана, давал читать запрещенные христианские книги.

Отец Всеволод Шпиллер скончался 8 января 1984 года.

Предлагаем вниманию читателей воспоминания профессора-священника Георгия Кочеткова о протоиерее Всеволоде Шпиллере.

Окончание на с. 8

Новости из-за рубежа

Опубликован доклад о преследовании христиан

Американский Gatestone Institute опубликовал свой ежемесячный доклад о преследовании христиан. Текст исследования описывает случаи дискриминации и антихристианского насилия в 20 странах мира, расположенных в алфавитном порядке.

Особенно жестокие случаи насилия христиан отмечены в странах Африки к югу от Сахары – в Нигерии, Кении, Сомали, Судане и Кот-д'Ивуаре, где христиан убивают, обезглавливают и даже распинают.

В мае усилилась дискриминация христиан в Индонезии, где она выражается в нападении на христианские храмы и закрытии церквей. Большинство закрытых храмов принадлежат протестантским общинам.

Воиющий случай произошел во Франции. В церковь Св. Иосифа ворвались четверо молодых африканцев и забросали собравшихся на богослужение верующих камнями.

В докладе отмечается, что в Пакистане в среднем 8–10 христиан в месяц принуждают принимать ислам. Жертвами часто становятся девушки-христианки из бедных семей.

Согласно информации Gatestone Institute, в Эритрее в тюремном заключении в настоящее время находятся от 2 до 3 тыс. христиан.

В двадцатку наиболее опасных для христиан стран также вошли Сирия, Мали, Судан, Иордания, Иран, Ливан.

Седмица.ру

В Тиране освящен новый кафедральный собор

Новый кафедральный собор Воскресения Христова, главный храм Албанской православной церкви, построенный в районе центральной площади албанской столицы, освящен 24 июня архиепископом Тираны, Дурреса и всей Албании Анастасием в присутствии ведущих религиозных и политических деятелей страны. После освящения храма в нем была совершена первая Божественная литургия, которую возглавил предстоятель Албанской православной церкви, сообщает агентство «Ромфея».

На торжествах присутствовал архиепископ Димитрий, глава Греческой православной архиепископии в Америке, а также президент и премьер-министр Республики Албания.

Седмица.ру

Церковь и общество

Личность патриарха Кирилла вызывает у россиян уважение, доверие и надежду

Большинство граждан России (53%) в целом ничего не хотят менять в деятельности Православной церкви и ее служителей, свидетельствуют результаты июньского опроса ВЦИОМ. Остальные респонденты высказали предложение «заниматься исключительно религиозной деятельностью» (4%), активно проповедовать и отменить плату за «исполнение ритуалов» и торговлю в храмах (по 3%), привлекать в храмы молодежь (2%), «не вмешиваться в политику», уделять больше внимания духовному воспитанию, ввести в школе религиозное образование (по 1%). Треть опрошенных затруднилась с ответом.

Каких-либо перемен в деятельности Церкви со времени интронизации патриарха Кирилла большинство опрошенных (78%) не замечают. Остальные считают, что Церковь стала ближе к народу (4%), восстанавливаются старые и строятся новые храмы (3%). По 2% обратили внимание на более тесное взаимодействие Церкви с государством и расширение ее влияния, 1% – на повышение внимания к нравственному воспитанию, 3% – на повышение «коррупционности» Церкви. Впервые респонденты стали упоминать повышение внимания СМИ к Церкви (1%).

Личность патриарха Кирилла по-прежнему вызывает у россиян, которым он известен, в первую очередь уважение (46%). Немало тех, у кого предстоятель вызывает надежду (27%), доверие (19%), симпатию (17%).

Негативные эмоции встречаются существенно реже: недоверие (4%), разочарование (2%), скепсис, антипатия, осуждение (по 1%). С безразличием относятся к патриарху 13% опрошенных.

Интерфакс-религия

Впервые совершена Божественная литургия на Левашовской пустоши – месте массовых расстрелов жертв репрессий

Божественная литургия впервые совершена 16 июня на Левашовской пустоши под Санкт-Петербургом – месте массовых расстрелов жертв репрессий. Здесь предполагается построить храм Всех Святых, в земле Санкт-Петербургской просиявших, а пока богослужение прошло на открытом воздухе.

Его возглавил председатель епархиальной комиссии по канонизации, настоятель Князь-Владимирского собора протоиерей Владимир Сорокин. Ему сослужили настоятель храма иконы Божией Матери «Неопалимая купина» иерей Георгий Сычев, клирик того же храма иерей Сергей Рысев, а также диаконы Владимир Чепурнов и Вадим Орловский. Хор под управлением регента Анастасии Моревой исполнял песнопения знаменного распева.

В богослужении приняли участие его инициаторы – казаки Адмиралтейско-Невской станицы, прихожане нескольких храмов епархии. По просьбе одной из верующих был совершен чин заочного отпевания ее сродников – женщине известно, что их расстреляли в Левашове.

Божественная литургия – главное богослужение Православной Церкви – обычно совершается в храме, где на престоле расположен ангиминс – плат со шпильками в него частицами мощей святых. В данном случае этот священный предмет был размещен под навесом. Но и всю многострадальную землю Левашовской пустоши можно назвать большим ангиминсом – она полита кровью мучеников, в том числе страдальцев за веру – священнослужителей и мирян. Об этом говорил в проповеди протоиерей Владимир Сорокин.

«Здесь лежат 47 тысяч репрессированных наших братьев и сестер, из них

На Левашовской пустоши родные погибших ставят памятные кресты и развешивают их фотографии на стволах деревьев. Фото предоставлено Свято-Петровским малым православным братством

почти 2,5 тысячи священно- и церковнослужителей. Такого количества жертв нигде нет. Это самое большое мемориальное кладбище жестокой и страшной эпохи репрессий», – отметил отец Владимир.

По его словам, люди вспоминают об этом месте с ужасом и страхом, многие даже не хотят сюда приходить от осознания сконцентрированной здесь жестокости и несправедливости. А православные идут сюда, молятся, надеясь воздвигнуть здесь храм с осознанием того, что кровь мучеников – семя Церкви: «Истинно, истинно говорю вам: если пшеничное зерно, пав в землю, не умрет, то останется одно; а если умрет, то принесет много плода» (Ин 12:24).

«Для нас это великий раскрытый ангиминс. Это поле, засеянное нашими мучениками и исповедниками. Мы должны помнить их подвиги, труды и страдания. И делать все, чтобы из этих семян росли здоровые, добрые, сострадательные последователи, истинные сыны и дочери Православной церкви, добрые и миролюбивые граждане нашей страны... Нам необходимо извлечь урок из этих прошлых событий и строить свою жизнь по святоотеческим правилам, стремясь к единству с Богом, природой, людьми, к святости, соборности, сохраняя апостольское преемство», – сказал отец Владимир.

Вода живая

Издание Преображенского содружества малых православных братств

gazetakifa.ru

Кифа

Одобрено Синодальным информационным отделом Русской Православной Церкви (Свид. №081 от 3 мая 2011 г.).

Главный редактор: А.В. Колымагина

Адрес редакции и издателя: 105062, г. Москва, ул. Покровка, д.29

Тел./факс: +7 (495) 624-9250

Электронный адрес редакции: kifa@list.ru

Электронная версия газеты: gazetakifa.ru

Подписной индекс в агентстве Роспечать – 19601

Над номером работали: Анастасия Наконечная, Максим Деметьев, Александр Копировский, Елена Шевелева, Дмитрий Дорошко, Ирина Кольцова, Лариса Мусина

Дизайн и верстка: Марина Подкопаева

Учредитель: Культурно-просветительский фонд «Преображение».

Газета издается с октября 2002 г.

Культурно-просветительский фонд «Преображение».

Все права защищены.

Мнение редакции может не совпадать с мнением авторов.

Нашу газету можно приобрести:

в интернет-магазине predanie.org; в Москве: в редакции (в настоящее время находится в помещении СФИ – ул. Покровка, д.29, оф.38); в Санкт-Петербурге: в киоске «Предание», тел. +7-963-316-37-81.

Телефоны распространителей: Москва: (495)314-2596 (Александра Ошарина), +7-965-146-14-56 (Анна Гринман), (495)342-6306 (Марина Чиркова) Санкт-Петербург: +7-963-316-3981 (Анастасия Наконечная) США, Канада: 1-651-210-4922, oleg@voskres.net (Олег Воскресенский)

Архангельск: +7-921-073-3276 (Надежда Макурина)

Вельск: +7-921-812-5959 (София Кудрявцева)

Воронеж: +7-950-763-5035 (Александр Терехов)

Екатеринбург: +7-904-388-0391 (Татьяна Благодарова)

Рязань: +7-4912-99-1425 (Сергей Гаврилов)

Северодвинск: +7-964-300-9145 (Светлана Папиrowsкая);

+7-964-296-9042, (Татьяна Колпакова)

Тверь: +7-909-266-88-83, +7-905-551-02-70 (Олег Ермолаев)

Тула: +7-4872-37-5782 (Марина Писаревская)

Электросталь: +7-926-787-4305 (Ольга Кузнецова)

Газета зарегистрирована Федеральной службой по надзору в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций (Роскомнадзор).

Свидетельство о регистрации ПИ № ФС 77-46907 от 5 октября 2011 г.

Отпечатано в типографии «Эльф», г. Москва, ул. Сушеvский вал, д. 49.

Тираж 1400. Цена свободная.

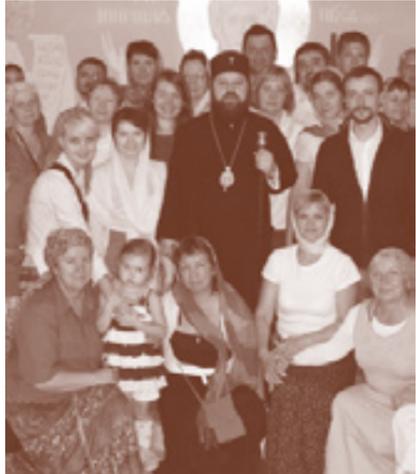
Выпуск подписан в печать 31 июля 2012 г. Время подписания в печать: по графику – 9.00, фактическое – 9.00.

Дата выхода в свет 31 июля 2012 г.

Новости православных братств

Увидеть своими глазами

Группа паломников Вознесенского малого братства, среди которых было много новоцерковленных, совершила поездку по Республике Хакасия и Красноярскому краю.

В центре – архиепископ Абаканский Ионафан

Поездка началась в Абакане, где по благословению правящего архиерея – архиепископа Абаканского Ионафана – состоялось много интересных, насыщенных встреч.

Группа посетила храм свв. Константина и Елены, в котором настоятелем служит протоиерей Геннадий Фаст. Паломники встретились с прихожанами храма. Разговор был посвящен устройению церкви согласно творениям св. Ипполита Римского и постепенно перешел на современные вопросы церковной жизни.

Особенно значимой для новоцерковленных явилась встреча с владыкой Ионафаном – первая в их жизни встреча с архиереем. Встреча понравилась своей живостью, глубиной ответов на поставленные вопросы. Владыка рассказывал о принципах, которых он придерживается

в управлении епархией. Это, прежде всего, принцип апостола Павла: «Надлежит быть и разномыслиям между вами, дабы открылись между вами искусные» (1Кор 11:19).

Владыка поддерживает любые инициативы, которые способствуют созиданию церкви. Например, в некоторых приходах можно услышать чтение Писания и молитву на хакасском языке, поименную молитву за оглашаемых. В одних храмах проповедь говорится после Евангелия, в других – по окончании литургии. Однако в принципиальных вещах в епархии придерживаются единства. Например, никогда не берется плата за крещение, также является бесплатной возможность получения духовного образования. Перед крещением обязательна катехизация (даже младенцев не крестят без катехизации родителей и крестных).

Архиепископ Ионафан отметил важность создания миссионерских приходов. Также он рассказал, что совершаются определенные шаги для того, чтобы верующие в епархии были одной общиной. Например, последняя пастырская конференция была посвящена вопросу устройства общинной жизни и самому понятию «община».

После встречи с владыкой состоялась совместная встреча молодежи из епархиального отдела и группы из Москвы с прот. Геннадием Фастом, на которой он ответил на вопросы о христианском благочестии и церковной жизни.

Гости вместе с членами прихода отца Геннадия и православной молодежью Абакана совершили поездки в Хакасский национальный этнографический заповедник, в г. Саяногорск, на Саяно-Шушенскую ГЭС и в г. Минусинск. Кроме этого, паломники посетили уникальный «Зал каменных изваяний», оформленный копиями древних наскальных рисунков, метод копирования которых изобретен в

Хакасии. Там же состоялась экскурсия об истории, культуре и религиозных верованиях древних хакасских народов.

Следующим городом, который посетили паломники, стал Красноярск. Центральным событием пребывания группы в Красноярске было участие в Божественной литургии, которую возглавил митрополит Красноярский и Ачинский Пантелеимон. После литургии состоялась встреча с владыкой. Она продолжалась более двух часов, была насыщенной и живой. В разговоре владыка, к большой радости новоцерковленных, живо отреагировал на известие об открытии бозона Хиггса¹: «Важно каждому из нас открыть в себе такую «частицу Бога» и ей подражать». Говоря о реформе языка, он отметил, что если бы не революция 1917 года, русский народ воспринял бы реформу богослужебного языка, а сейчас мы отброшены на несколько столетий назад, и такую реформу проводить повсеместно не представляется возможным. По мнению владыки, тем не менее, когда-то это должно произойти. «Такую реформу необходимо хорошо готовить, в том числе готовить к ней церковный народ. Важно, чтобы люди, занимающиеся переводами, были не только хорошими специалистами в области языков, но и глубоко церковными людьми, тогда для народа не составит проблемы воспринять русский язык», – подвел итог владыка.

Отвечая на вопрос новоцерковленных о том, что значит брать свой крест и идти за Христом, владыка сказал, что это означает брать пример с Христа и подражать Ему. Это не рабское согласие с каким-то положением, ведь мы не рабы Христу, Он дал нам свободу. Говоря о задачах в области устройства церковной жизни, владыка отметил два направления, в которых надо прикладывать усилия. Важно, чтобы церковный народ

Встреча с митрополитом Пантелеимоном

читал Священное писание; по словам владыки, не читать Писание – «ленивая традиция православных». Что касается епископов и священников, то им, по мнению владыки, нельзя уходить от проповеди, от народа. «Горе мне, если я не проповедаю», – переформулировал митрополит Пантелеимон слова апостола Павла.

Вечером того же дня состоялась встреча группы с членами Православного братства «Святое дело» при Свято-Покровском соборе и молодежным клубом. Начавшись с общей встречи, общение продолжалось все два последующих дня благодаря случайным и запланированным личным встречам на литургии, в кафе, на улице... Братство – это пространство встречи. «Братство для нас как семья, поэтому важно, чтобы в нем были люди разных возрастов», – говорили братчики. По личному свидетельству членов братства «Святое дело», именно знакомство с братством стало для многих импульсом для вхождения в церковную жизнь.

Мария Дикарева. Фото Александра Килина
Информационная служба Преображенского братства

¹ Бозон Хиггса – элементарная частица, существование которой было предсказано в 1964 году физиком Питером Хиггсом – был открыт в июле 2012 года на адронном коллайдере. В свое время физик Леон Лендерман назвал бозон Хиггса «частицей Бога» («god particle»), в частности, потому, что в Стандартной модели он играет определяющую роль в приобретении масс другими элементарными частицами.

Православное образование

Как стать настоящим гелиотропом

Традиционный благодарственный молебен, посвященный окончанию 24-го учебного года, состоялся 30 июня в Свято-Филаретовском институте.

Двадцати четырем выпускникам богословского факультета СФИ, успешно сдавшим государственный экзамен и защитившим выпускные квалификационные работы, были вручены дипломы бакалавра богословия государственного образца. Красный диплом получила Ольга Ярошевская. Выпускники факультета религиоведения получили государственные дипломы о профессиональной переподготовке, а завершившие обучение в богословском колледже при СФИ – свидетельства о повышении квалификации по Основам православной культуры.

Проректор СФИ Дмитрий Гасак в своем слове на Послание апостола Иакова напомнил, что самое главное в любом знании – это плоды, которые оно приносит. Он призвал всех, кто трудится и учится в СФИ, никогда не забывать о

смысле того, что совершается в стенах института, – о служении Богу и Церкви ради подлинного просвещения и обретения всяким человеком своего ниспосланного свыше достоинства.

«Очень часто люди, имеющие хорошие способности, престиж, известность, пользующиеся авторитетом, путаются в самых важных жизненных вопросах, не знают Бога, пути Божьего, воли Божьей, – сказал в проповеди на Евангелие ректор СФИ священник Георгий Кочетков. – Но никакими житейскими и научными познаниями не может хвататься человек, если в нем нет познания правды Божьей». Отец Георгий напомнил слова Христа: «Примите иго Мое на ваши плечи и выучитесь научению Моему, ибо Я кроток и смиренен сердцем, и успокоятся души ваши; ибо иго Мое сладко и бремя Мое легко» (Мф 11:29–30). Людям не всегда бывает понятно, какому научению надо выучиться у Христа, а это прежде всего кротость и сердечное смирение, способность «отречься от самого себя» (Лк 9:23)

и поставить Бога на Божье место, чтобы больше на нем не было ничего и никого, и тогда все истинное, подлинное, праведное найдет свой смысл, обретет новое измерение и будет стоять прочно, – сказал он в заключение.

Ученый секретарь СФИ проф. Александр Копировский, говоря о смысле духовного образования, которое получают в стенах СФИ не только студенты, но и преподаватели, вспомнил образ подсолнечника из книги свт. Иоанна Тобольского¹: «Свою волю с волей Божьей надо согласовать, как гелиотроп, то есть подсолнечник, который ищет света, и, как только появляется солнце, сам без команды поворачивается к нему. И мы получаем духовное образование, чтобы не автоматически, а свободно и осмысленно поворачиваться туда, где Христос».

От имени студентов выступил Игорь Власенко, зам. председателя Ассоциации выпускников и студентов СФИ, староста выпускного курса: «Дорогой батюшка, дорогие преподаватели, дорогие братья и сестры – будущие студенты! Мы благодарим Бога за дар духовного образования, который пять лет принимали. Сейчас нам нужно думать о том, как применить этот дар, как должна жить наша церковь, на что она должна опираться в своей жизни, чтобы свидетельствовать о светлом Христовом Воскресении. И наша жизнь и свидетельство – непрестой труд, поэтому мы просим ваших молитв о том, чтобы мы могли достойно послужить Богу в Церкви, чтобы Ваш труд, о. Георгий, и труды всех преподавателей смогли достойно воплотиться в нас, чтобы каждый из нас смог умножить ту любовь, которую даровал нам Христос».

Проректор Киевской духовной академии встретился со студентами СФИ

7 июля 2012 года Киевскую духовную академию посетила паломническая группа студентов Свято-Филаретовского православно-христианского института.

По благословению ректора КДА архиепископа Бориспольского Антония с гостями встретился проректор по учебной работе архимандрит Климент¹. Он рассказал об истории Академии и о ее современном состоянии, а также ответил на многочисленные вопросы, касающиеся духовного образования в Украине.

В завершение встречи гостям были переданы печатные издания Киевской духовной академии.

Официальный сайт КДАиС

¹ Митрополит Тобольский и всея Сибири Иоанн (Максимович) (1651–1715). «Илиотропион, то есть Подсолнечник, представляющий сообразование человеческой воли с Божественной».

Информационная служба СФИ

¹ 23 июля хиротонисан во епископа Ирпенского, викария Киевской митрополии.

Поместный Собор

Иеромонах Афанасий работал в отделе Собора «О богослужении, проповедничестве в храме».

Для более сознательного участия верующих в церковной службе необходимо было решить ряд проблем. Одна из них заключалась в том, что язык богослужения сильно отличался от русского литературного языка. Для многих прихожан язык богослужения был малопонятным.

Работа в Богослужбном отделе Собора определила круг научных и литературных интересов иеромонаха Афанасия. Сбор и редактирование служб русским святым, исправление богослужбных книг и соотнесение проблем реальной жизни с уставом Православной Церкви – вот те темы, которые занимали его всю жизнь. Проведя около 22 лет на тюремных нарах, он не переставал размышлять об этих вопросах, возобновляя работу, как только появлялась такая возможность.

Хиротония

Принятая в марте 1919 года новая программа РКП(б) провозглашала задачей партии полное искоренение религии в России. Одна за одной шли кампании против церкви: вскрытие мощей, изъятие церковных ценностей и другие.

В такое непростое время 10 июля 1921 года архимандрит Афанасий был хиротонисан в епископа Ковровского, викария Владимирской епархии. Перед хиротонией будущего архиепископа вызвали в ГПУ и угрожали репрессиями в случае, если он согласится на архиерейство. Действительно, в 1920-е годы архиерейство не обещало ничего, кроме преследований и лишения. Первый раз епископ Афанасий был арестован 30 марта 1922 года, через 7 месяцев после хиротонии. Он шел по делу, связанному с кампанией по изъятию церковных ценностей¹.

В 1922 году митрополит Владимирский Сергей (Страгородский) был выслан в Нижний Новгород, и еп. Афанасию пришлось самому управлять епархией. Ему пришлось противостоять обновленческому расколу, что закончилось для него лагерным сроком.

Когда многие пошли на компромисс с обновленчеством, даже митрополит Сергей (Страгородский), епископ Афанасий этого не сделал. «Может быть, быть прямолинейным и искренним и неблагоразумно, – писал он владыке Сергию, – но я не думаю, чтобы неискренность и лукавство могли быть полезными Церкви Божией».

Неперемолотый владыка

«А тюрьмы нам нечего бояться...»

Ожидая в Таганской тюрьме отправления в свою первую ссылку в Зырянский край², он писал матери: «Я смотрю сейчас на заключенных за дело Христово епископов и пресвитеров, слышу о православных пастырях, в других тюрьмах находящихся: какое спокойствие у всех <...> Тюрьмы нам нечего бояться, здесь лучше чем на свободе, это я не преувеличивая говорю. Здесь истинная Православная Церковь. Мы здесь как бы взяты в изолятор во время эпидемии. Правда, некоторые стеснения испытываем. Но – а сколько у вас скорбей. <...> Попробуй тут устоять. А мы от всего этого почти гарантированы. И поэтому, когда я получаю соболезнования моему теперешнему положению, я очень смущаюсь. Тяжело положение тех православных, которые сейчас, оставаясь на свободе, несут знамя Православия. Помогите им Господи».

После ссылки владыка вернулся во Владимир и вновь возглавил управление епархией. Но в январе 1927 года его снова арестовывают, на этот раз по обвинению в принадлежности к контрреволюционной организации, возглавляемой митрополитом Сергием (Страгородским). В конце апреля 1927 года он оказался на Лубянке в одной камере с митрополитом Сергием. В своих беседах они обсуждали положение Церкви, и митрополит Сергей говорил, что не пойдет на компромиссы с советской властью. Через несколько дней владыка Афанасий был выслан на Соловки сроком на три года. Одновременно с ним получили сроки еще сорок архиереев, а митрополит Сергей вышел на свободу.

Решив, что открытое противостояние может погубить церковь, митрополит Сергей все-таки пошел на компромисс. В августе 1927 года в храмах зачитывают его послание (обычно именуемое «Декларацией митр. Сергия»), общей идеей которого было признание существующей политической системы без каких бы то ни было условий и оговорок. Однако лояльное отношение церкви к государству не помогло. В стране нарастал террор, священники и архипастыри исчезали в лагерях.

Епископ Афанасий не принял церковной политики митрополита Сергия и отдался от него. Но он относился к той группе епископов, которая считала митрополита Сергия узурпатором патриарших прав и проводником неверной церковной политики, а никак не раскольников.

Следующим местом ссылки епископа Афанасия были Соловки, где он заболел брюшным тифом. Чудом он выздоровел, и его перевели в Туруханск.

30 июня 1942 года, проведя в лагере пять месяцев сверх срока, он вышел на свободу и был направлен в бессрочную ссылку в Омскую область. Но уже в ноябре 1943 года его снова арестовывают. Следствие длилось 9 месяцев, в результате епископа обвинили в организации «антисоветского церковного подполья». На допросах епископ Афанасий не пытался выдать себя за сторонника советской власти: «...Я не мог примириться с советской властью, не признающей религии...» Его осудили на 8 лет и направили в Мариинские лагеря (Сиблаг). Здесь епископ Афанасий работал ассенизатором. Он говорил, что эта работа устраивала его, потому что оставляла много свободного времени. Он всегда очень любил поэму А. Толсто-

го «Иоанн Дамаскин» и судьбу главного героя отождествлял со своей судьбой. Там певец – очиститель отхожих мест, здесь архиерей – ассенизатор.

В лагерях владыка получал много посылок, с помощью которых он поддерживал других заключенных, раздавая полученные им продукты. Говорят, что переходя с этапа на этап, он никогда не брал с собой никаких вещей в дорогу, а все отдавал оставшимся. В самых тяжелых условиях он умудрялся соблюдать посты и ни при каких обстоятельствах не нарушал их, зато, по его словам, в праздничные дни у него всегда было что-нибудь съестное, чем можно было отметить праздник.

В 2000 году он был причислен к лику святых. Когда в Петушках в его честь освятили храм, долгое время иконы была фотография владыки. Это объясняли тем, что на иконах изображать улыбки не принято, а владыку невозможно представить без улыбки.

Срок заключения закончился в марте 1952 года. Но государство не отпустило его на свободу, сославшись на то, что он инвалид и его некому содержать, епископа Афанасия отправляют в дом инвалидов «под надзор органов УКГБ». Однако, когда его туда определили, дом инвалидов еще не был достроен. В ожидании завершения строительства ему пришлось провести в лагере лишние 2,5 года. Неопределенность и постоянное ожидание освобождения изматывали нервы, и в январе 1954 года у епископа Афанасия случился инсульт.

В мае 1954 года строительство дома инвалидов было закончено, и епископа Афанасия перевели туда. Но условия жизни дома инвалидов почти не отличались от лагерных. За территорию выходить не разрешалось, переписка была ограничена, свидания практически запрещались, при этом формально он числился свободным человеком. А. Кравецкий считает, что в то время такое отношение было практически ко всем инвалидам, которым не было места в «счастлимом социалистическом государстве»⁴.

В июле 1954 года шестидесятилетний архиерей пишет «Этапы и даты моей жизни». Этот документ – своеобразная автобиография епископа Афанасия, основное место в которой занимают даты арестов, названия тюрем и имена людей, с которыми Господь сводил его в тюремных камерах и на этапах. Он как бы подводит итог своего 33-летнего архиерейского служения (в течение которого он управлял епархией – 2 года 9 месяцев и 2 дня, провел на свободе, находясь не у дел, – 2 года 8 месяцев и 2 дня, в ссылке – 6 лет 7 месяцев и 24 дня, в тюрьмах и лагерях – 21 год 11 месяцев и 12 дней) и заканчивает словами: «Обычно в жизни бывает: чем дольше разлука, тем больше ослабевают связи. Христианская любовь изменяет этот порядок. Мои добрые заботники, движимые христианской, а не мирской любовью, с каждым годом усиливают проявление своей заботы и попечения обо мне...»

«Свт. Афанасий обладал редкостным даром любви» Н.В. Трапани¹

Последние годы жизни

Из инвалидного дома епископа Афанасия забрал староста Воскресенского собора города Тутаява Георгий Седов. Он стал официальным опекуном владыки.

В конце лета 1955 года патриарх Алексей назначил епископу Афанасию пенсию, благодаря которой в октябре того же года епископ Афанасий переехал в Петушки, небольшой городок во Владимирской области. В первое время он снимал себе небольшую комнату, а со временем друзья купили ему небольшой домик.

На свободе он занимался исправлением богослужбных книг: «Исправление церковных книг – неотложное дело. Надо не только то, чтобы православные умилялись хотя бы и непонятными словами молитвословий. Надо, чтобы и ум не оставался без плода. Пойте Богу нашему, пойте разумно... Помолюся духом, помолюся и умом... Я думаю, что и в настоящей церковной разрухе в значительной степени повинны мы тем, что не приближали наше дивное богослужение, наши чудные песнопения к уму русского народа»⁵. Для всей деятельности святителя было характерно стремление к точному следованию преданию, которое означало для него в первую очередь верность смыслу.

Нужно сказать, что на будущее Русской церкви епископ Афанасий смотрел без особого оптимизма. «Сказано, что врата адавы не одолеют Церковь, но нигде не сказано, что в России... сохранится церковь; Россия может окончательно потерять ее»⁶.

Оказавшись на свободе, он с ужасом смотрел на разрушенную Русскую церковь: «Правосверные евреи едут в Палестину и там в пятницу вечера у развалин храма Иерусалимского плачут о былой славе Израиля. И зовутся у них эти развалины «Стена плача»... У православного русского народа теперь на каждом шагу и каждый день стена плача!.. Ужасно... Ужасно... Ужасно...»

Проведя большую часть жизни в тюрьмах и лагерях, епископ Афанасий скончался дома, окруженный людьми, которые его искренне любили. В 2000 году он был причислен к лику святых. Когда в Петушках в его честь освятили храм, долгое время справа от алтаря на месте иконы была фотография владыки. Это объясняли тем, что на иконах изображать улыбки не принято, а владыку невозможно представить без улыбки.

Анна Сахарова

1 Трапани Н.В. Епископ Афанасий (Сахаров): (Воспоминания) // Молитва всех вас спасет: Материалы к жизнеописанию святителя Афанасия, епископа Ковровского. – С. 61–83. Режим доступа: <http://www.sakharov-center.ru/asfcd/auth/?t=page&num=1391>.

2 Подробнее см.: «Скорбный юбилей» // «Кифа» №3(141), март 2012 года. Режим доступа: <http://gazetakifa.ru/content/view/4490>.

3 Местом его ссылки был назначен Сыктывкар. Сергей Фудель так описывает владыку в тот период: «Тогда это был еще совсем молодой архиерей, худой, белокурый, очень живой и веселый. Жил он в пригороде со своим келейником и добровольным спутником иеромонахом Дамаскином».

4 Александр Кравецкий. Святитель Афанасий Ковровский. Биографический очерк. Владимир: Транзит-икс, 2007. – 136 с.

5 Молитва всех вас спасет: Материалы к жизнеописанию святителя Афанасия, епископа Ковровского / сост., предисл. и примеч. О.В. Косик. – М.: Изд-во ПСТБИ, 2000. С. 406.

6 Там же. С. 78.

Ищите правду...

Обзор интернет-дискуссии, посвященной новому фильму о событиях 29 июня 1997 года

30 июня в сети появился фильм «Разоблачение: pro et contra». Публикацию сопровождало краткое слово о том, что это за фильм:

«Прошло 15 лет с печально памятных событий в московском храме Успения в Печатниках. Все эти годы те, кто их спровоцировал, сеяли клевету и тем самым порочили доброе имя Преображенского братства и его основателя священника Георгия Кочеткова. Сегодня эта ложь наносит непоправимый вред не только братству, но и всей Русской Православной Церкви. Фильм рассказывает о том, что на самом деле произошло в 1997 году в храме Успения в Печатниках и кто за этим стоял. В фильме вои свидетели события участники и очевидцы тех событий».

Фильм вышел через несколько месяцев после очередной волны републикации в сети клеветнического фильма «Разоблачение» и всего лишь через несколько дней после того, как сайты «Благодатный огонь» и «Русская народная линия» выложили в Интернет материалы сборника «Школа церковной смуты», содержащего тенденциозным образом подобранные документы и свидетельства. Благодаря такому «отбору» и клеветническим комментариям сборник (в свое время распространенный тиражом 15 тысяч экземпляров, а ныне запущенный в Интернет) в корне искажает картину происшедшего пятнадцать лет назад.

За первые же десять дней фильм «Разоблачение: pro et contra» посмотрело около пяти тысяч человек¹, в сети в связи с ним развернулась бурная дискуссия.

Дискуссия показала несколько интересных вещей.

О братстве

Во-первых, оказалось, что в целом отношение к о. Георгию Кочеткову и Преображенскому братству за прошедшие пятнадцать лет постепенно изменилось в лучшую сторону. И если несколько лет назад любое упоминание как пастыря, так и его паствы в положительном ключе немедленно вызывало массивный гневный «окрик» со стороны «ревнителей», стремящихся буквально «забить ногами» «проштрафившегося» автора неугодного поста, то сейчас в каждой из веток обсуждения на одного-двух ярых противников братства, стремящихся любой ценой и невзирая ни на какие аргументы осудить, заклеймить и обвинить, приходится не только один-два члена братства, но и достаточно много сочувствующих, пытающихся объективно разобраться в деле блогеров.

Вот характерные примеры:

«...к о. Георгию не имею однозначного отношения, жена же моя знает ситуацию изнутри и оценила этот фильм как наиболее беспристрастный и соответствующий правде. В свое время она ушла из общины Кочеткова, но вовсе не благодаря аргументам Александрова, Шевкунова, Осипова и Смирнова, а совсем по другим причинам. Их же доводы, мягко говоря, некорректны и мало соответствуют христианскому духу».

«У меня много есть вопросов о том, что происходит вокруг о. Г. Но чтобы задавать их, надо сначала отсеять явную ложь о нем, с которой, к сожалению, начинается и которой заканчивается 99% критических высказываний о нем, вроде неспровоцированного избиения о.М. в алтаре и проч.»

«Посмотрела оба фильма, что правда

не знаю, но стало очень грустно в любом случае». – «Похожие ощущения. Но, всё же зная менталитет и тех и других, склоняюсь верить общине о. Георгия. Разве люди такого уровня как Юрский могут врать?»

«Справедливости ради, кочетковцы натерпелись за эти годы и от нас. Хлебнули так сказать, нашей братской любви».

Во-вторых, практически сразу же параллельно с темой собственно инцидента, произошедшего 15 лет назад, практически в любом более или менее развернутом обсуждении фильма началась дискуссия по нескольким параллельным, но очевидно непосредственно связанным с первой темой проблемам: катехизация, перевод богослужения на русский язык и т.п.

О переводе богослужения

То, что говорится в дискуссии про перевод богослужения, во многом напоминает дискуссию по документу Межсоборного присутствия, посвященному языку богослужения. И хотя некоторые посты непосредственно привязываются к той провокации против священника Георгия Кочеткова и Преображенского братства, которой и посвящен фильм («Не только я думаю, а многие знают, что священноначалие предупреждало его, что не нужно сейчас служить на русском языке, служить с открытыми вратами и проводить литургические эксперименты, потому что еще не время. Его убеждали, уговаривали, о.Владимир Диваков приходил к ним на собрания, разговаривал с ними, но о. Георгий жестко и упорно настаивал на своем, за что и поплатился...»), тем не менее многие участники дискуссии быстро переходят к обсуждению собственно проблемы перевода богослужения:

«Игорь, я молюсь и читаю Писание на церковнославянском языке, но то, что он имеет сакральное значение, не считаю. Если люди хотят молиться на русском, это их право».

«Евангелие – Благая Весть о спасении благодатью Господа Иисуса Христа – лучше воспринимается на простом, понятном людям языке, чем на забытом, вышедшем из употребления старославянском. «Однажды, когда народ теснился к Нему, чтобы слышать Слово Божие...» Если бы Господь Иисус Христос говорил

на устаревшем, формальном языке, народ вряд ли теснился бы к Нему, чтобы слышать Слово Божие.

Ничего плохого или еретического в этом нет и не было, если кому-то это не нравится – это его личное дело».

О катехизации

Тема катехизации затрагивается в дискуссии в гораздо более тесной и непосредственной связи со служением о. Георгия и Преображенского братства: «Тогда запугали верующих страшным словом «кочетковщина». Не тогда ли положено было начать нынешним проблемам?» – «Думаю, гораздо раньше. Нынешние проблемы – логический итог застоя в РПЦ, на который она была обречена будучи подконтрольна советской власти. Но почему перемены не начались в новое время, особенно когда они стали необходимы в период массового притока людей в церковь на рубеже 80-х-90-х?? Как раз в этот период о. Георгий предлагал отработанную им систему оглашения для всех, кто желал креститься. Ему было понятно что будет с неопитами без сознательного воцерковления. ...в лице о.Георгия и тогдашнего церковного руководства столкнулись два противных друг другу подхода к пастырству, миссионерству и вообще церковному устройству. Один – простой священник, но миссионер и пастырь по призванию от Бога, другие – чиновники-администраторы, прошедшие фильтры на благонадежность и получившие свои посты с благословения советской власти отнюдь не за пастырские и миссионерские усилия. Видимо, мотивы конфликта с церковной властью и пострадавших от нее свт. Иоанна Златоуста, преподобных Максима Грека, Серафима Саровского – тех, кто имел от Бога таланты и призвание на то или иное служение, во все времена одни и те же. В данном случае было решено провести вот такую спецоперацию по упразднению братства о. Георгия».

«Там тараканов тоже хватало, насколько понимаю. Моя подруга в Твери рассказывала, что одно время к ним в храм стала ходить большая группа последователей о. Георгия. После возгласа диакона: «Елицы оглашеннии, изыдите...» начиналось движение народа. Это те, кто не прошел оглашение, покидали храм». – «А что тут такого? Все как полагается. А не странно, когда крещеные люди кланяются, когда возглашают:

«Оглашенные, головы преклоните?» – «Присоединяюсь. Зачем тогда возглас произносить если ему не следовать??»

«Крещеный человек согласно канонам отпадает от Церкви не участвуя в Таинстве Евхаристии более 2-х недель без уважительных причин. Да, большинство из «стомиллионной паствы» крещенных (рейтинг РПЦ ок. 2-3%), но не воцерковленных, не присоединенных через Евхаристию к Церкви, не могут быть членами церкви, соответственно называться христианами могут весьма условно – по самоидентификации ввиду произведенного над ними когда-то Таинства Крещения, но не быть членами церкви согласно канонами и по православному учению о Церкви. О. Георгий не перекрещивает крещеных, а присоединяет их церкви через Евхаристию, но сперва оглашая их согласно древней Традиции Церкви. Именно из тех времен мы и имеем текст Литургии, где было совершенно четкое разделение на оглашенных, просвещаемых и верных».

Да, несомненно, значительную часть дискуссии занимало обсуждение самого инцидента. Однако оно не представляло существенного интереса, так как все аргументы сторон, документы и даже видеозаписи опубликованы, и поэтому просто цитируются как одной, так и другой стороной. Но, как уже сказано выше, даже это обсуждение не производило впечатления заведомого перевеса осуждающей о. Георгия и Преображенское братство стороны – скорее, наоборот.

Всё это дает весьма основательную надежду на то, что в обозримом будущем будет положен конец тем несправедливым преследованиям, которым в течение долгих лет подвергалось Преображенское братство – и его опыт, прежде всего связанный с миссией, катехизацией, общинной и братской жизнью, сможет гораздо плодотворней, чем прежде, послужить всей нашей церкви.

Обзор подготовила Александра Колымагина

¹ К моменту отправки номера в печать – более шести с половиной тысяч.

Праздник образования

В течение двух дней – 20 и 22 июня – Государственная аттестационная комиссия под председательством профессора А.Б. Мазурова, д-ра ист. наук, ректора Московского государственного областного социально-гуманитарного института, заслушала выступления 24 студентов, завершивших обучение на богословском факультете СФИ. Почти половина (одиннадцать) представленных к защите итоговых работ были написаны на профилирующей кафедре – миссиологии, катехетики и гомилетики. Семь студентов защитили дипломы на кафедре богословских дисциплин и литургики, трое – на кафедре церковно-исторических дисциплин, двое – на кафедре Священного писания. Одна студентка представила работу, написанную на кафедре философии и гуманитарных дисциплин.

А.Б. Мазуров, председатель Государственной аттестационной комиссии:

На защитах измеряется качество образования. Все студенты продемонстрировали очень неплохой уровень знаний, провальных работ нет. В любом вузе есть «звездочки», есть средние студенты, есть ниже среднего. Но средний уровень по вузу очень высокий. Несколько работ мы даже оценили на «пять с плюсом» – к

Дмитрий Гасак, проректор СФИ:

сожалению, «плюс» не идет в приложение к диплому.

Я отношусь к подобным защитам как к нормальной работе вуза, которая не видна внешнему глазу. Даже очень яркие, блестящие защиты, блестящие работы все равно принесут свой плод чуть позже, когда будут публикации или, скажем, когда человек начнет преподавать. Поскольку в XX веке церковная мысль, богословская школа, академическая церковная традиция в большой степени

были разорены, то, на мой взгляд, сейчас чрезвычайно важен этот спокойный качественный труд по разработке новых тем или по продолжению разработки старых тем, актуальных ныне. Очень радостно видеть выпускников, которые всерьез разбираются в весьма непростых нюансах богословской тематики, будь то экклезиология, или миссиология, или катехетика, или исследования Священного писания и библеистика. Это тот фундамент, которого нам сейчас очень сильно не хватает.

З.М. Дашевская, декан богословского факультета СФИ:

Защита – это всегда показатель того, как студент работал: не только как он писал свой итоговый текст, но и какого качества его образование в целом. Вопросы звучат всегда неожиданные, они предполагают, что студент должен ориентироваться не только в узких рамках своей тематики.

Среди работ по миссиологии большой интерес представляет исследование Марии Лавреновой. Автор рассмотрела миссионерскую деятельность приходов и монастырей г. Твери в постсоветский период (1991–2011 гг.) в свете решений Поместного Собора Российской Православной Церкви 1917–1918 гг. Соискательница пришла к выводам, что миссия на уровне приходов и монастырей испытывает затруднения. Она осуществляется в основном за счет немногочисленных мирянских объединений. В их деятельности автор видит преемственность решений Собора, раскрывшего миссию как дело всего народа Божьего и призывавшего к созданию благотворительных кружков и братств.

А.Б. Мазуров:

Очень ценно, что в этой работе проведено полевое исследование, потому что

через много лет к материалам проведенного опроса можно будет обратиться как к источнику.

Две блестящие работы были защищены на кафедре Священного писания и библейских дисциплин. Ольга Ярошевская в своем исследовании «Ветхозаветные аллюзии в 1–2 главе Евангелия от Луки» проанализировала истории рождения Иоанна Крестителя и Рождества Христа. Соискательница показала, что ветхозаветные аллюзии у Луки образуют сложную систему: сначала указанные эпизоды симметричны, они составляют так называемый диптих, затем выстраиваются так, чтобы подчеркнуть уникальность Рождества на фоне и Ветхого Завета, и рождения Иоанна Крестителя, и, наконец, сходятся в сцене Сретения.

Самостоятельное научное исследование представляет собой и сочинение Ирины Сушковой «Понимание христианской любви в посланиях св. Игнатия Богоносца». В работе тщательно проанализированы все семь подлинных посланий Игнатия Богоносца и исследованы все случаи употребления им слов с семантикой «любовь». По замечанию рецензента, д-ра культурологии А.И. Шмаиной-Великановой, полученная статистика очень помогает в понимании Священного писания. Одним из значительных научных и богословских итогов работы стал перевод Послания на современный русский язык, самостоятельно выполненный соискательницей.

А.Б. Мазуров, председатель ГАК:

Это очень солидная, объемная работа, выполненная на уровне высококвалифицированного лингвистического анализа. Как я узнал, соискательница – филолог. И самое главное – в рамках этой работы выполнен новый перевод Послания к Римлянам Игнатия Богоносца. Если он будет напечатан с комментариями, это будет заметный вклад в богословскую науку. Ведь работы важны не сами по себе, как допуск к получению квалификации, а когда они имеют продолжение, в том числе в виде публикации.

З.М. Дашевская:

У нас, как правило, защищается сразу много студентов, в этот раз 24 человека. Это очень большой выпуск для негосударственного образовательного учреждения в Москве по такому направлению, как теология, где сейчас падают общие цифры и приема, и выпуска. Слава Богу, у нас люди учатся с интересом и очень трудолюбиво готовят свои выпускные работы. Это позволяет получить целостное впечатление о качестве образования и подготовки студентов.

Галина Ложкова представила первое церковно-историческое исследование о протопресвитере Виталии Боровом (1916–2008), одном из самых значительных деятелей русской церковной истории второй половины XX века. Работа посвящена первым тридцати годам его церковной жизни и служения

(1930–1950-е годы). Примечательно, что на защите присутствовал сын о. Виталия, Ростислав Витальевич Боровой. Автор ввела в научный оборот почерпнутые не только из литературы, но также из личного архива о. Виталия сведения о его жизни в период, когда он сформировался как пастырь, педагог и церковный ученый. Соискательница разделила жизнь о. Виталия в рассматриваемое тридцатилетие на два периода: подготовка к церковному служению, получение духовного образования в предвоенное десятилетие, и собственно служение (1941–1959 гг.). Вехами последнего стали его труды по устройению Минской духовной семинарии в Жировицах и ученая, преподавательская и административная деятельность в Ленинградских духовных школах.

Художественные работы и духовные дневники одного из наиболее своеобразных и малоисследованных иконописцев XX века инокини Иоанны (Рейтлингер) были проанализированы в работе Марии Патрушевой. В ней ставится вопрос о взглядах инокини Иоанны (Рейтлингер) на место художественного творчества в жизни церкви. Художественное творчество в современной церкви, по воззрениям с. Иоанны, должно по-прежнему опираться на иконописный канон, серьезное изучение иконописцем художественной и духовной традиции церкви и памятников мировой культуры, но рождаться все же на основе свободной живописи, без эклектики и стилизации, через духовный прорыв к божественному откровению.

З.М. Дашевская:

Для нашего института выпускная квалификационная работа и ее защита никогда не бывает формальностью. Это всегда некоторый экзамен, в каком-то смысле даже более строгий, чем госэкзамен, потому что он дает возможность аккумулировать и проявить все полученные знания. Слава Богу, студенты, которые защищают свои работы, действительно приносят достойные плоды духовного образования. Это всегда рождает в нас благодарность Богу, потому что мы видим, что кто-то насадил, кто-то поливал, а Господь давал рост. Этот рост мы сегодня увидели у всех студентов.

А.Б. Мазуров:

Я здесь не видел безразличных людей, которые сплошь и рядом встречаются в государственных и негосударственных вузах. Это связано не просто с тем, что у большинства студентов СФИ уже есть одно высшее образование, а с их личностной зрелостью. Ведь многие молодые люди сейчас идут в вуз просто за высшим образованием, потому что им нужен диплом и надо где-то «перетусоваться», сейчас это еще называется «постшколом». Здесь этого нет. Люди пришли за знаниями. У кого-то блестящие способности, но каждому Бог дал разные таланты, ничего тут не сделаешь. Тем не менее, каждый, кто защищал работу, лично вырос, обогатился сам, в чем-то даже превзошел собственный уровень, и получил заслуженную награду.

По итогам защиты всем соискателям была присвоена искомая степень бакалавра богословия.

Хочу поделиться радостью!

Письмо бакалавра

Братья и сестры! Хочу поделиться радостью о состоявшейся защите моей бакалаврской. Слава Богу!

В целом все защиты проходили довольно непросто. Комиссия была равнодушна и даже иногда слишком равнодушна к выступлениям студентов.

Одной из первых на защите была проблемная работа Ксении Коротчук о миссии в Албании. Проблема была, в том числе, и в том, что православную миссию оценивали, используя миссионерскую парадигму протестанта Дэвида Боша. Были и другие спорные вопросы – например, как возможна детская миссия, о которой пишет автор. В целом отметили чисто теоретический характер работы и противоречивость результатов.

Честно говоря, все, кому еще предстояло защищаться, очень испугались. Со стороны всей комиссии была такая нешуточная критика, что мы подумали: всё, они будут ко всем придирались. Но потом, когда вышла защищаться Маша Лавренова, ситуация резко изменилась к лучшему. Ее работа была посвящена миссионерской деятельности в Тверской епархии за последние 20 лет в свете решений Собора 1917–1918 гг. Каким-то образом Маше удалось раздобыть «совершенно секретный» материал – отчеты тверского епископа (того самого, который братство гнал¹) о миссионерской деятельности в его епархии. И еще Маша вела «полевой дневник» на протяжении двух или трех последних лет и фиксировала все миссионерские мероприятия Тверской епархии. Ее вывод был неутешителен: решения Собора 1917 года не очень сильно повлияли на жизнь Тверской епархии, можно сказать, свет решений Собора не осиял людей, занимавшихся в ней миссионерской деятельностью.

Потом я уже не слушала – пошла помогать на кухню чистить картошку, во-первых, потому что там была нехватка сестер (кто-то внезапно заболел), а во-вторых, чтобы немного успокоиться и не нервничать.

Еще я послушала защиту Димы Попиченко из Екатеринбург и Гали

Храмченковой из Хвастовичей. Дима писал о свт. Стефане Пермском, а Гали – об о. Александре Мене.

Я тоже должна была успеть «в первом заходе», но из-за острой дискуссии по поводу миссии в Албании всё немного затянулось.

После обеденного перерыва (обедали все, кроме меня, я есть просто не могла) я была первая. Причем, как оказалось, до обеда защитились все иногородние, а после обеда должны были защищаться москвичи. Сажу я в коридоре, жду комиссию. Тут приходят люди, много людей – все пришли послушать своих. И какие-то две сестры, изучая список, кто за кем защищается, говорят: «А, вот тут наша Ира Сушкова сейчас будет, потом, после нее, – Ольга Ярошевская, а кто это перед ними? Что это еще за Шерепа? И тема у нее такая странная, нет, мы такой не знаем». А я рядом сажу, думаю: да кто я такая против собирающихся защищаться «московских монстров»?.. И говорю: «Здравствуйте, я – Ольга Шерепа, приятно познакомиться». В общем, неловко получилось.

Как это ни странно, на защите я не волновалась, то есть воодушевление было, а волнения – почти нет. Очень ощущалась помощь Божья и Его покров. И я еще себя так настроила, что надо быть благодарной Богу уже за то, что есть такая возможность – учиться, писать работу, защищать ее. Вышла и медленно, не торопясь (как мой руководитель, Давид Гзгзян, мне советовал) прочитала свой доклад. Прочитала – и тишина гробовая. Я стою, думаю: что такое? Наверное, я что-то не так сказала? Где-то через минуту председатель комиссии говорит: «Ну, какие вопросы у членов комиссии?»

Все молчат, говорят – нет вопросов. А обычно комиссия активно задавала вопросы. Я думаю: ну всё, конец.

Тогда слово дали рецензенту. Наталья Адаменко, мой рецензент, сказала, что ей интересно было читать мою работу, так как ее бакалаврская была на похожую тему. Но отметила, что слишком дробная структура (7 параграфов в первой главе и 6 параграфов во второй) и ссылки есть в заключении, чего не должно, по идее, быть. Потом я ей отвечала – что сам материал требовал такой дробной структуры, надо было все проблемные точки обозначить и что ссылка в заключении на Концепцию по катехизации РПЦ подтверждает актуальность дальнейших исследований.

Тут начали вопросы задавать. Зоя Михайловна спрашивала, как соотносится у Афинагора и Тертуллиана всеобщее воскресение с Воскресением Христа и почему я не использую современные западные исследования. Я ей ответила, что у Тертуллиана более явно звучит тема всеобщего воскресения как следствия Воскресения Христа, а Афинагор только подразумевает событие Воскресения Христова, говоря о всеобщем воскресении. Потом последнее слово дали научному руководителю моему – Давиду Гзгзяну. Он меня очень хорошо защитил – спокойно, все достоинства перечислил, недостатков не нашёл. Даже рассказал, что они в общине поговорили на тему воскресения и очень остро дискутировали, тем самым выявилась актуальность именно богословского осмысления, анализа темы воскресения. В целом – как-то спокойно прошла защита.

Кто-то переводил Платона и Игнатия Антиохийского (с греческого источника) на предмет исследования терминов «эрос» и «агапэ»; кто-то вообще на семи языках литературу читал и анализировал древнееврейские понятия и греческие в связи с соотношением праздников Сретения и Рождества. Очень интересно было слушать.

А вот после меня настоящие «монстры» пошли – кто-то переводил Платона и Игнатия Антиохийского (с греческого источника) на предмет исследования терминов «эрос» и «агапэ»; кто-то вообще на семи языках литературу читал и анализировал древнееврейские понятия и греческие в связи с соотношением праздников Сретения и Рождества. Очень интересно было слушать.

Эти сестры, которые были после меня, писали работы у А.И. Шмаиной-Великановой. И она их защищала как тигрица. Это надо было видеть. А вот Давид Гзгзян был единственным, кто ей и ее подопечным возражал, причем спокойно, без эмоций.

У меня было такое впечатление, что идет «битва титанов» или, например, «тиранозавр против ихтиозавра»). Так они спорили. Анна Ильинична доказывала, что ее студентки заслуживают восхищения и высочайшей оценки, а Гзгзян спокойно «нащупывал» слабые места в их аргументации.

Потом были 3–4 работы среднего уровня, даже слабые были, по истории церкви. Тут уж дискуссия достигла апогея – спорили все со всеми: Александр Михайлович Копировский с Анной Ильиничной Шмаиной-Великановой; Маргарита Васильевна Шилкина с Константином Петровичем Обозным; председатель комиссии – со студентом. В общем, конец защит прошел совсем нескудно, никто не спал.

Потом удалились обсуждать оценки. Долго обсуждали, где-то минут 50. Ну и

потом объявили торжественно результаты.

Поставили «5» Диме Попиченко, Оле Кузнецовой, Ире Сушковой, мне. Поставили «5+» Маше Лавреновой и Ольге Ярошевской. Остальным «4» и «4-».

Потом был фуршет. Все благодарили преподавателей. Было как на агапе. Я даже спела романс «Не ветер, вея с высоты» (на это меня Маша Лавренова подвигла). Александр Михайлович очень хорошо сказал, что защита бакалаврских – это как посвящение в рыцари-воины Христовы и как дарование дворянства (в духовном смысле). А дворянин, по Бердяеву, – это тот, кому «ничего нельзя»². И если возникает внутри нас такая подлая интонация «а можно...?», то надо не позволять себе компромиссов и отвечать этому «внутреннему голосу» – нельзя. В общем, как Маша Лавренова говорила, это настоящее счастье в Господе, когда ты совершаешь такой шаг, как защита бакалаврской, и, конечно, это благословение на служение Богу и Церкви.

Александр Михайлович очень хорошо сказал, что защита бакалаврских – это как посвящение в рыцари-воины Христовы и как дарование дворянства (в духовном смысле). А дворянин, по Бердяеву, – это тот, кому «ничего нельзя».

Я не всё написала, что хотела, но, надеюсь, передала всем чувство счастья и желание учиться и духовно возрастать и выходить на служение. Ведь долги и «хвосты» и всякие «незавершенности» препятствуют действовать Богу в нашей жизни, а потому их нужно как можно скорее убирать и из жизни своей, и из своего сердца, если хочешь, действительно хочешь служить Богу и Церкви.

Ольга Шерепа, Санкт-Петербург

¹ Одним из наиболее шумевших эпизодов этих гонений стало принятое архиереем в феврале 2007 года решение не допускать к причастию членов Боголюбского братства. Это решение вызвало резкую критику в церкви (см. например подборку «Православный мир - о ситуации в Твери» (Режим доступа: <http://gazetkifa.ru/content/view/950/>)) и вскоре было отменено.

² «Подлинный аристократизм не есть право, привилегия, он ничего не требует для себя, он отдает, он налагает ответственность и обязанность служения. Необыкновенный, замечательный, наделенный особыми дарами человек не есть человек, которому все дозволено; наоборот, это человек, которому ничего не дозволено». (Н.А. Бердяев. «О рабстве и свободе человека»).

В дискуссии выступает зав. кафедрой богословских дисциплин и литургики, профессор Д.М. Гзгзян

Христианство не равно христианской культуре

Так считал один из самых образованных и культурных священников XX века

– Людям, которые не жили в Москве в 70-е годы прошлого столетия, наверное, не очень понятно, какова была тогда ситуация в церкви и что значила фигура о. Всеволода Шпиллера. Ведь он был одним из немногих священников со столь высоким уровнем образования и культуры, которому позволялось служить и проповедовать в Москве. И в этом смысле он представлял собой уникальное явление.

Священник Георгий Кочетков:

Важно учитывать не только очень высокий культурный уровень о. Всеволода, уровень его богословского развития и знаний, но и помнить о его аристократическом происхождении. Он был совсем молодым человеком во время Гражданской войны, воевал с большевиками в рядах молодых кадетов. Потом вынужден был эмигрировать в Болгарию, став белоэмигрантом первой волны. Его жена была из великокняжеского польско-литовского рода Радзивиллов, но православная.

Отец Всеволод был человеком ищущим, интересовался богословием, философией, в молодости писал Н.А. Бердяеву, и в то же время находился под духовным руководством владыки Серафима (Соболева), известного своими крайними взглядами, которые мы сейчас часто называем фундаменталистскими. Поэтому и в дальнейшем о. Всеволод, будучи человеком очень широких взглядов, высокой культуры и творческого заряда, не всегда был свободен от противоречий. Он помнил старую Россию и, конечно, прекрасно понимал, что происходит в Советском Союзе, видел, что это уже совсем другая страна, совсем другой народ. Он поддерживал связи с другими эмигрантскими кругами в Европе и Америке, был человеком дипломатически одаренным.

В послевоенные годы он реэмигрировал, вернулся на волне общего патриотического настроения в надежде на изменение ситуации в Советском Союзе. Вернулся, как он думал, в Россию и, как ни странно, не сел в тюрьму, не оказался в лагере, как многие реэмигранты того времени. Может быть, потому, что его родная сестра была народной артисткой Советского Союза, одной из самых любимых певиц Сталина, которая часто выступала для партийной верхушки в Кремле.

Все знали о. Всеволода как человека, который имел хорошие связи с культурными слоями: с интеллигенцией, с художественным, поэтическим и литературным бомондом. И все также знали его как проповедника, человека глубокой молитвы, глубоко духовно настроенного человека, чье слово привлекало многих. Неслучайно именно у священника из прихода о. Всеволода принял крещение и академик Сергей Сергеевич Аверинцев, сыгравший очень большую роль не только в моей личной жизни, но и в жизни всего нашего Преображенского братства и Свято-Филаретовского института, начиная с 70-х и особенно в 90-х годах XX века.

Вся интеллигентная, культурная Москва знала, что Великим постом о. Всеволод Шпиллер говорит специальные, как бы катехизические проповеди для интеллигенции. Он собирал в свой храм в большом количестве ищущую молодежь, ищущую интеллигенцию и четыре недели подряд говорил о Христе и о Кресте, о спасении и о христианской жизни. Это действительно был малый катехизис, в этом можно убедиться, поскольку эти проповеди уже изданы отдельной книгой.

Конечно, с одной стороны, о. Всеволод был очень независимым, свободным человеком, свободно мыслящим и свободно действующим, но, с другой стороны, на него сильно напирала, его постоянно искушали, ему посылали не-

очень хороших священников, нередко связанных с КГБ, людей, с которыми ему трудно, почти невозможно было служить, хотя были, слава Богу, и исключения.

Все немножко побаивались ходить в его храм святителя Николая в Кузнецких в центре Москвы, недалеко от Третьяковской галереи. Побоялись, потому что знали, что там, где есть молодежь и интеллигенция, там обязательно будут больше следить за каждым, там обязательно будет много соглядатаев и тайных агентов, и значит, там очень легко попасть в какую-то неприятность, как говорится, «на крючок». И многие не ходили к нему, собираясь у другого известного священника того времени, который служил не в Москве, а в Московской области, – у о. Александра Меня. Или ходили в храм Ильи Обыденного, или в храм Воскресения на улице Неждановой и некоторые другие.

Отец Всеволод продолжал принимать гостей из-за границы, своих друзей, к нему многие приезжали. Что самое важное, он никогда не гнушался встречами и разговорами с теми прихожанами, которые вызывали у него доверие, кого он уже знал по богослужению, по молитве.

В 1973 году, уже после окончания института, я стал ходить в его храм. Понимая, что очень трудно с кем-то посоветоваться, найти человека духовно опытного, я стал думать, как мне найти духовно старших людей, духовных учителей. Я начал их очень интенсивно искать и, слава Богу, почти одновременно нашел и о. Виталия Борового, и о. Иоанна (Крестьянкина), и о. Тавриона (Батоского), и о. Всеволода Шпиллера. Было довольно трудно, как говорится, «заработать» доверие о. Всеволода. Меня ему никто не представлял, поэтому он не знал, кто я и что я, – ну какой-то молодой человек ходит и ходит, а что за молодой человек, может быть, доносчик, он знать не мог, поэтому, видимо, сперва несколько остерегался. А я не очень остерегался, потому что уже знал о нем: мне много рассказывали люди из замечательного круга последователей о. Алексея и о. Сергия Мечёвых.

Осенью 1973 года у нас с о. Всеволодом завязались близкие отношения. Нельзя сказать, что уж очень близко дружественные, поскольку была огромная разница между нами и в годах, и в положении. Но почти сразу, как только я познакомился с о. Всеволодом, я стал просить у него духовного руководства. Он сначала хотел переправить меня к одному из близких ему священников, но потом отказался от этого и быстро согласился быть моим личным духовником.

Постепенно я познакомился с о. Всеволодом Шпиллером всех своих друзей, всю нашу группу молодых людей, пришедших к вере в то время, в начале 70-х годов XX века: своих крестников, однокашников по институту и сотрудников по работе. Мы стали регулярно с ним встречаться на исповедях, а также на личных беседах, что было в то время небезопасно, однако это делалось.

Его уроки были для меня крайне необходимыми. Он учил мудрости жизни, правильному отношению к церковной власти, находящейся под огромным давлением советских идеологических структур. Он учил, с одной стороны, твердости, с другой – уменью находить со всеми общий язык, передавал некоторый дипломатический опыт. Он давал или рекомендовал мне какие-то книги, рекомендовал и некоторых людей. Иногда он приходил к нам, в наш круг, домой, в гости, но чаще мы встречались именно на исповеди и на богослужениях и после них. Его проповеди, его молитва до сих пор остались в сердце, в памяти, до сих пор звучат и действуют. Очень многие вещи, воспринятые мною от о. Всеволода Шпиллера, поныне не изгладились из па-

мяти, потому что были плодом глубокого восприятия не только собственных мыслей и опыта, но и тех идей, которые были характерны для лучших представителей русского религиозно-философского возрождения конца XIX – первой половины XX века. Отец Всеволод любил о. Сергия Булгакова, в чем-то с осторожностью относился к Бердяеву, но тем не менее и о нем не забывал никогда, понимая, что эти две конгениальные фигуры, имеющие мировое значение, должны войти и в наш опыт.

Очень интересно получилось в моей жизни, что опыт встреч с о. Всеволодом Шпиллером дополнялся опытом общения и встречами с о. Виталием Боровым – другим выдающимся церковным деятелем того времени в Москве. Это был диалог как бы разных подходов, разных мнений, и он для меня был чрезвычайно плодотворным. В принципиальных вопросах мои учителя, конечно, не диссонировали, не противоречили друг другу, хотя они и не знали, что я могу задавать один и тот же вопрос то одному, то другому, как и другим своим духовным учителям. Например, как часто причащаться? Можно ли причащаться каждую неделю? Можно ли причащаться без исповеди? Можно ли общаться и молиться с инославными, а также молиться за них, в том числе подавая записки на литургии? И так далее, и так далее. Это все были горячие вопросы того времени. И самые лучшие и глубокие ответы я получал через этих своих замечательных духовных учителей, в том числе о. Всеволода Шпиллера.

Отец Всеволод был в близких отношениях с о. Иоанном Мейендорфом, о. Александром Шмеманом – знаменитыми богословами парижской школы, жившими в Америке и работавшими в Свято-Владимирской духовной семинарии. Конечно, его очень интересовали вопросы евхаристического, литургического возрождения. Любовь к этому он передал мне и всему моему кругу, а через нас – будущему нашему братству.

– Были ли такие темы в ваших духовных беседах с о. Всеволодом или его проповедях, которые, на Ваш взгляд, ценны для всех христиан – может быть, не только для православных и не только для живших в 1970-е годы, т.е. имеют универсальное значение?

О. Георгий:

С первой же встречи с о. Всеволодом его рекомендация не путать Христа и христианскую культуру возымела на меня действие на всю жизнь. Конечно, он говорил и о любви, учил, что Бог есть Любовь, что Он не просто обладает любовью, но что Он Сам в сущности есть Любовь. И о. Всеволод исходил из этого. Он считал, что христиане в большой степени потеряли любовь, затенили ее какими-то другими пластами предания и писания, своей аскетической практикой или эстетическим воззрением. Хотя сам он был одним из немногих, кто в позднесоветские времена мог поставить вопрос о канонизации преподобного Андрея Рублева. Именно из его круга происходила эта инициатива, которая сейчас удовлетворена, так что, слава Богу, этот знаменитый иконописец нами почитается как общерусский святой. В этом заслуга о. Всеволода Шпиллера и людей из его ближайшего окружения.

Отец Всеволод входил в многочисленную плеяду великих деятелей Русской церкви, русской культуры и науки (прежде всего гуманитарной, хотя не только), которыми так богата была Россия в первой половине XX века до истребления русского народа, до полного развала старой России. Он был человеком того времени, того духа: утонченного аристократизма, глубины и высоты духовных запросов, удивительной открытости к

Прот. Всеволод Шпиллер, Юрий Кочетков и Александр Копировский у храма свт. Николая в Кузнецких. Середина 1970-х гг.

самым разным людям. При этом он умел различать духовные вещи, не смешивать их.

Он был очень далек от всякого пост-модерна, даже в зародыше не принимал его именно в силу своего высокого аристократизма, высокой культуры и православной духовности. В нем сочетались самые разные дарования, и, я думаю, он преодолел ту узость, которая может быть, была свойственна его молодости, когда он был под руководством епископа Серафима (Соболева) в Болгарии. Он никогда не идеализировал церковно-государственные отношения и откровенно утверждал, что Константиновский период церковной истории закончился, и возобновление его нецелесообразно, потому что христианского государства в принципе не может быть никогда. Отец Всеволод выступал против агрессии, против всякой войны. Он понимал, что спасти людей может только любовь, любовь Христова, любовь действенная и всеобъемлющая. Даже во время Гражданской войны нужно было проповедовать и спасать любовь, а не просто старую культуру, страну, старые идеалы и порядки, как, может быть, он это первоначально делал.

– Среди учеников о. Всеволода, тех, кто называет себя его последователями, оказались люди очень разных взглядов, вплоть до Ваших оппонентов в церкви. Как Вы думаете, с чем это связано?

О. Георгий:

Я уже сказал об этом: он сам был человеком несколько противоречивым. В нем сочетались и идеологемы карловачкого монархического движения, и несколько фундаменталистские настроения, и в то же время он воспринимал Булгакова, Бердяева и других людей, которых фундаменталистами ни в коей мере не назовешь. В его окружении были разные люди, с разными взглядами: к нему льнули интеллигенты, но также были и люди, настроенные протестно по отношению к советскому строю, и не всегда духовность здесь была на первом месте. В его опыте был такой церковно-политический момент. Отец Всеволод умел очень широко смотреть на вещи: он мог проповедовать одно, но не возражать против другого, в частности, против экуменизма, который уже в то время был камнем преткновения и многими в стране не воспринимался всерьез. Он был дерзновенным человеком сам по себе, но не всегда целостным, иногда некоторая эклектика была и в нем самом. Я думаю, в этом главная причина того, что среди его последователей есть, с одной стороны, люди творческие, но, с другой, очень по-разному «заряженные», настроенные – люди открытые и закрытые, более глубокой духовности и ориентированные больше церковно-политически.

Материал подготовили Ольга Хегай и Наталья Кольцова. Печатается в сокращении. Полный текст интервью можно прочитать на сайте священника Георгия Кочеткова <http://oGKochetkov.ru>

«Музыка покоится на соответствии между небом и землей»

9 августа исполнилось
50 лет со дня кончины
одного из самых
известных писателей
XX века – Германа Гессе

Слово редактора

Роман «Игра в бисер» имеет посвящение: «Паломникам в страну Востока». Так сам автор, делая ненужным глубокие выводы будущих литературоведов, недвусмысленно связал последнее свое произведение с предпоследним. И для полноты картины после статьи, посвященной «Игре», на последней странице нашей «Открытой встречи» мы публикуем цитаты из «Паломничества в страну Востока».

Тем, кто внимательно прочитает и статью Дмитрия Матвеева, и цитаты, несомненно, покажется странным явное противоречие между выводами автора статьи и словами самого Гессе, который, несомненно, не считал всякий выбор оправданным и хорошо понимал, что такое предательство по отношению к общему служению и общему пути. Предоставляем читателю самому делать выводы и лишь напомним, что не все статьи, которые мы публикуем, выражают мнение редакции – мы готовы давать возможность авторам ставить вопросы, в том числе и неудобные, оставляя за собой право комментария.

Если же вернуться к цитатам, то более чем удивительно их согласие с некоторыми страницами жизни христианских братств (например, неплюевского) – ведь Гессе не был христианином и придерживался скорее антропософских воззрений. Может быть, здесь сказался опыт его глубоко верующих родителей или деда-миссионера? Как бы то ни было, неслучайно именно «Паломничество в страну Востока» перевел в свое время Сергей Сергеевич Аверинцев...

Швейцарский писатель Герман Гессе (1877–1962, уроженец Германии) – один из литераторов XX века, чувствительных к темам, связанным с человеческим духом, с высотой и цельностью устремлений. Ему интересна и духовность традиционных религий (роман о Будде «Сиддхартха»), и сам по себе феномен человеческого братства в духе («Паломничество в страну Востока»), и конфликт высоких и низких устремлений человека («Степной волк»). Еще одна область, на которой фокусирует свое внимание Гессе, – это самоощущение личности, выбравшей для себя служение высшим (сверхличным, в его собственной формулировке) задачам – тому, что находится за пределами ее собственного, непосредственного частного интереса и в этом смысле – больше ее самой. Именно этой теме – говоря совсем кратко, теме человеческого призвания – и посвящен его последний роман «Игра в бисер» (1943).

Интересно, что это и другие его произведения приобрели наибольшую популярность уже в 60-х, во времена известных исканий европейской молодежи, эпоху беспокойную, но плодотворную, в результате которой возникли целые пласты молодежной культуры. «Игра в бисер» – это в некотором роде роман-утопия, действие его происходит в Европе будущего. Гессе дает вначале словно бы некий беглый прогноз дальнейшего развития современной ему ситуации, по сути – еще ситуации модерна, сменившей в свое время Средние века. Их уход в прошлое означал обретение человеческим разумом автономии от авторитета церкви и ее догм. Однако решить задачу нахождения основополагающего смысла и критериев в самом себе эмансипированный разум не смог. В качестве результата этого Гессе предсказывает потерю интереса к высшему смыслу как таковому. Он пишет о наступлении именно такого времени – или, скорее, безвременья, – которое называет «фельетонной эпохой», когда серьезная литература практически сошла на нет и «мастера слова» стали выдавать лишь «ширпотреб», все то, что легко и приятно читать: от пикантных подробностей и анекдотов из жизни великих людей до всепоглощающих в своей увлекательности забав вроде кроссвордов. Вся культура напрочь потеряла цельность и перестала иметь дело с поисками каких бы то ни было оснований, а вместе с ней девальвировалось и всякое человеческое слово в принципе: даже научный доклад превратился в некую внешне облагороженную разновидность фельетона.

«Музыка покоится на соответствии»

В этом описании деградации общества видится реакция писателя на варварство тоталитаризма – напомним дату выхода романа: 1943 г. В то же время Гессе в какой-то мере предвосхитил восприятие многими современными интеллектуалами того, что мы называем сейчас постмодерном. Однако, погружаясь далее в мысленный будущий мир Гессе, мы узнаем об активном протесте многих интеллектуалов против этой деградации, об их стремлении сохранить высокие основания культуры. Это стремление, по замыслу писателя, не пропало даром: обществу, уставшему от дефицита интеллекта, ответственности и честности, наносившего вред всем сферам жизни, удалось объединиться в деле возрождения высокой культуры: ей начали покровительствовать власти, к процессу подключилась церковь. В конце концов здоровым силам Европы удалось переломить ход ситуации, и на смену «фельетонной эпохе» приходит иное время, нечто вроде бердяевского «нового средневековья», когда высокие смыслы вновь обрели признание. Одним из атрибутов этого нового времени становится созданный совместными усилиями интеллектуалов и властей специальный «суперуниверситет», целая «провинция духа». В этой

рядов она регулярно предлагает талантливым мальчикам поступить на обучение в ее школы. Эти школы отличаются аскетическим духом и минимумом контактов с внешним миром. Касталийцы дают обет безбрачия и ряд других обетов. Все подчинено единой задаче: воспитанию просветителей общества. К примеру, для занятий любыми науками в орденах предоставлены все условия: государство, учредившее «республику», готово финансировать сколь угодно «чистую», фундаментальную науку, далекую от прикладного характера и сиюминутно бесполезную (как тут по контрасту не вспомнить российскую науку в ее современном состоянии!). Но как только ученый выражал желание получить что-то для себя: брак, личный комфорт и т.д. – он должен был покинуть этот «научный рай».

В центре романа – обитатель Касталии Йозеф Кнехт («Knecht» по-немецки значит «слуга»). В начале книги он предстает перед нами 12–13-летним сиротой, которого попечители, видя его таланты, рекомендуют в одну из школ Касталии. Гессе описывает вдохновение и ощущение призвания, охватившее юного Йозефа в начале пути. Человек при своих способностях вдобавок трудолюбивый и бесконфликтный, Кнехт хорошо приживается в специфической касталийской системе и быстро продвигается как в обучении, так и по иерархической лестнице ордена; вскоре у него самого появляются ученики.

В какой-то момент в жизни Кнехта возникает новый человек. Его зовут Плинио Дезиньори, он из именитого рода и пользуется правом учиться в касталийской школе на правах вольнослушателя, т.е. должен после обучения возвратиться в «широкий» мир. Плинио – талантливый ученик, к которому нет никаких нареканий по линии учебы. Но он – большой спорщик и не щадит обитателей Касталии, постоянно подчеркивая свою инаковость по отношению к ним, подвергая уничижительной критике их замкнутость, надменность, схоластицизм, отсутствие творчества и оторванность от жизни, постоянно да-

вая понять, что считает мирские порядки лучшими, чем касталийские. Между двумя одаренными людьми завязывается некая парадоксальная дружба-вражда: оба чувствуют взаимное родство при одновременной идейной противоположности. Их постоянные споры неизменно проходят при стечении других учеников, замороженно наблюдающих увлекательные словесные баталии. В ходе этих споров зреет, оттачивается аргументация обеих позиций: и апологии, и критики касталийской жизни. Но Дезиньори, закончив курс, возвращается домой, а Кнехт остается, начиная, тем не менее, проникаться сомнениями: а не прав ли Плинио, говоря о замкнутости касталийского мира, его оторванности, отчуждении от тех людей, служить которым Касталия и считает себя призванной? Не презираем ли мы, по сути, внешний мир? Но ведь и глядеть на него с тоской – тоже крайность... Так напряженно размышляет Кнехт, одновременно все продвигаясь по иерархической лестнице ордена.

Однажды во время весьма ответственной для Касталии миссии в одном из центров бенедиктинского монашества он сблизается с отцом Иаковом, монахом-историком (за этим образом у Гессе стоит реальный прототип, церковный историк XIX в. Якоб Буркхардт). Их беседы становятся похожи на беседы с Дезиньори: монах нападает на Касталию примерно с тем же пафосом, что и Плинио, но делает это еще глубже и методичнее, не с юношеским задором, но с позиций подлинного ученого-историка, для которого его предмет сущностно жив и дорог. Здесь, пожалуй, кульминация идейного, интеллектуального аспекта романа. Вы, упрекает касталийцев о. Иаков, рассматривая историю человечества, стремитесь во все внести порядок. Но это порядок ваших представлений и схем. И тем самым вы постепенно стали иметь дело не с реальной, а с некоей созданной вами, дистиллированной историей человечества, по сути – лишь с теми же вашими собственными схемами и моделями. И все это потому, что вы не живете реальной жизнью мира – вы ее не знаете, и вам остается навязывать ей

Касталия – образование не религиозное, но нетрудно увидеть и то, сколь непосредственно обозначенный в книге вопрос актуален и в христианстве. Ведь и в жизни церкви мы видим те же два пути, два образа служения, что спорят между собой в книге Гессе.

маленькой искусственной стране среди альпийских пейзажей – Гессе назвал ее Касталией – воспитывались высочайше образованные люди, готовые к бескорыстному служению делу просвещения, ликвидации последствий «фельетонной эпохи».

Касталия сильно напоминает монашеский орден. Для пополнения своих

«между небом и землей»

свои представления о том, какой она должна быть. Но вовсе не так следует изучать историю, утверждает о. Иаков: историк должен погружаться в хаос реальной жизни, одновременно не теряя веры в порядок и смысл... Кнехту, в его касталийской практике далеко не чуждому историческим исследованиям, близок этот дискурс, он вполне понимает все то, о чем говорит старый ученый монах. Возвратившись в Касталию, он продолжает все более погружаться и в собственные размышления над смыслом и судьбами ордена, а одновременно – и в сердцевину жизни самого ордена, занимая в нем все более важные посты. В какой-то момент его делают магистром «игры в бисер». Это грандиозное интеллектуальное действие, лежащее в центре касталийской жизни, представляет собой, по замыслу Гессе, некий синтетический язык, выражающий единство всех человеческих наук и искусств, символ целостности мироздания, а заодно и символ смысла существования ордена, его служения. Но на этом исключительно значимом для Касталии посту «magister Ludi» Кнехт с особой отчетливостью ощутил правоту Дезиньори и о. Иакова: Касталия неадекватна той задаче просвещения, которую она призвана выполнять. Неадекватна она и самой жизни, которой, по сути, противостоит. Таковы же и сами касталийцы: они стали самодовольными, не видят равных, не видят братьев в обычных людях, в служении которым – их призвание. По всем этим причинам жизнь вскоре снесет это внешне монументальное здание своим течением... Обо всем этом Кнехт пишет письмо руководству ордена, заканчивающееся его просьбой об освобождении от своего высокого положения и просьбой доверить ему школу вне ордена, где те же высокие принципы просвещения можно будет защищать в условиях нестерильной касталийской, а реальной «мирской» жизни. Ему отвечают отказом, но он, невзирая ни на что, покидает Касталию. Он идет к своему другу Плинию и становится наставником его сына. В семье Дезиньори он обретает понимание, строптивый и избалованный подросток Тито все более входит в контакт с учителем и прислушивается к нему. Однако жизнь Кнехта неожидан-

но и трагически обрывается, а вместе с ней гибнет и надежда на данный в книге прямой ответ на вопрос о наилучшем образе служения. Остаются лишь три блистательных по художественности и глубине рассказа-жизнеописания, по мысли автора, сочиненные Кнехтом в раздумьях. Но и они, в конечном счете, не склоняют чашу весов ни в одну из сторон...

Итак, основной вопрос романа Гессе видится следующим образом: в какой мере можно служить миру и человечеству, не живя его невыдуманной, никем не направляемой и несовершенной жизнью? Касталия – образование не религиозное, но нетрудно увидеть и то, сколь непосредственно обозначенный в книге вопрос актуален и в христианстве. Ведь и в жизни церкви мы видим те же два пути, два образа служения, что спорят между собой в книге Гессе. Первый – обособиться «от зла и злых», от мира с его суетой, создать свою «привинцию духа», свою Касталию в том или ином виде. В церкви и религии вообще это может быть орден, монастырь или скит, но также и не монашеская, но обособленная община или братство вроде палестинского ессеиста времен Иисуса или христианских коммун XIX – XX вв. Второй путь – это принципиальное стремление находиться, по словам Бонхёффера, «в гуще жизни», не отделять себя от мира и жить с не меньшей целеустремленностью, самоотдачей, чем на первом пути, но именно в мире, его радостями и горестями, пытаясь умножать в нем любовь и смысл. Такова, помимо самого Бонхёффера, мать Мария (Скобцова), но также и христианские мыслители, делящиеся опытом своей жизни духа со светских кафедр и печатных страниц, – вспомним хотя бы Бердяева и Булгакова. Какой путь предпочтительнее? То, что везде есть свои опасности, – очевидно. Духовная стерильность закрытого сообщества может, как и предупреждают в романе Кнехта оба его оппонента, обернуться отрывом от реальности и схематизмом вместо живого творчества, в конечном итоге – безжизненностью. Добавим, что отделиться «от зла и злых» – задача, мягко говоря,

Исполнилось 50 лет со дня кончины Германа Гессе

Герман Гессе в горах близ города Монтальюла, Швейцария. Наверное, среди таких пейзажей он и представлял свою Касталию.

проблематичная: как бы ни стремился я ввысь, самый злой для меня – это, в конечном итоге, неизбежно я сам, а от себя не отделишься. Отсутствие «приветривания» сообщества, в котором неизбежно те же грешные люди, что и вне его, способно, помимо ошибок ума, породить и моральную духоту. С другой стороны, если я открыт всем ветрам непредсказуемой мирской жизни, они могут сбить меня с ног или распылить, разнообразие привлекательных вещей мира – зачаровать и отвратить от служения, на которое я изначально вознамерился встать. И перед лицом всего этого уже понятно желание отсечь все лишнее и соблазняющее, пожертвовать второстепенным ради главного, стабилизировать и концентрировать жизнь, привлекая себе в помощь те специальные атрибуты «узкого пути», что именно для этого выработаны духовными традициями человечества. Видимо, любой путь оправдан с точки зрения служения тогда, когда именно он дает человеку силы, а выбор человеком пути самостоятелен и полностью им осознан. Роман Гессе содержит в себе и ту мысль, что не лишен человек и возможности переосмысления своего пути, которое также может быть следствием глубокой работы духа и которое поэтому никогда не стоит спешить объявлять изменой себе и своему призванию. В непредсказуемом, нефатальном мире, в котором только и имеет смысл разговор о свободе, от пути к собственному призванию, как и от всего, что делается всерьез, неотъемлем риском.

Дмитрий Матвеев

Светлое волшебство

Однажды мне довелось пережить вместе с другими, как один из моих товарищей переменял свой образ мыслей, поправил ногами свой обет и вернулся во тьму безверия. ... Когда мы задержались в одном из швабских или алеманских городишек, этот злополучный человек, уже и ранее являвший черты уныния и скованности, повстречал одного старого своего учителя, к которому со школьных годов привык относиться с обожанием; и этому учителю удалось заставить юношу снова увидеть наше дело в таком свете, как оно представляется неверующим. После визита к учителю несчастный вернулся на наш привал в ужасающем возбуждении, с перекошенным лицом, он яростно шумел перед шатром предводителей, и когда глашатай вышел к нему, он крикнул тому в гневе, что не хочет больше участвовать в этом шутовском шествии, которое никогда не придет на Восток, <...> что он порывает со всем этим, швыряет под ноги предводителем свое кольцо и покорнейше раскланивается, чтобы при помощи испытанной железной дороги вернуться на свою родину, к своей полезной работе. Это было неприятное и печальное мгновение, у нас сжимались сердца от стыда за безумца и одновременно от жалости к нему. Глашатай доброжелательно выслушал его и с улыбкой наклонился за брошенным кольцом, а затем сказал голосом, прозрачное спокойствие которого должно было устыдить шумливого бунтара:

– Итак, ты распротился с нами и вернешься к железной дороге, к рассудку и к полезному труду. Ты распротился с Братством, распротился с шествием на Восток, распротился с волшебством, праздниками цветов, с поэзией. Ты свободен, ты разрешен от твоего обета.

– И от клятвы хранить молчание? – беспокойно выкрикнул свой вопрос отступник.

– И от клятвы хранить молчание, – ответил ему глашатай. – Припомни: ты поклялся не говорить перед неверующими о тайне Братства. Но, поскольку мы видим, что ты забыл тайну, ты никому не сможешь ее поведать.

– Разве я что-то забыл? Ничего я не забыл! – вскричал юноша, но им овладела неуверенность, и, едва глашатай повернулся к нему спиной и удалился в шатер, он неожиданно пустился в бегство.

Нам всем было жаль его, но дни

наши были так густо насыщены переживаниями, что я позабыл его необычно быстро. Однако еще некоторое время спустя, когда о нем, по-видимому, не думал уже никто из нас, нам случалось во многих деревнях и городах, через которые проходил наш путь, слышать от местных жителей рассказы об этом самом юноше. Был тут, говорили нам, один молодой человек – и они описывали его в точности и называли по имени, – который повсюду вас разыскивает. Сначала, по слухам, он рассказывал, будто принадлежит к Братству и просто отстал и сбился с пути на переходе, но затем принялся плакать и поведал, что был нам неверен и дезертировал, однако теперь-де видит, что жизнь без Братства для него невозможна, он хочет и должен нас разыскать, чтобы кинуться предводителям в ноги и вымолить у них прощение. То тут, то там нам снова и снова рассказывали эту историю; куда бы мы ни пришли, несчастный, как выяснялось, только что ушел отсюда. Мы спросили глашатая, что он об этом думает и чем это кончится.

– Не думаю, что он найдет нас, – ответил глашатай кратко. И тот вправду нас не нашел, мы его больше не видели.

Однажды, когда один из наших предводителей вступил со мной в конфиденциальную беседу, я набрался храбрости и задал вопрос, как все-таки обстоит дело с этим отпавшим братом. Ведь он же раскаялся и сядит нас найти, говорил я, необходимо помочь ему исправить свою ошибку, и в будущем, возможно, он покажет себя вернейшим между собратьями. Предводитель ответил так:

– Если он найдет путь возврата, это будет для нас радостью. Облегчить ему поиски мы не можем. Он сам затруднил себе вторичное обретение веры, и я боюсь, что он нас не увидит и не узнает, даже если мы пройдем рядом с ним. Он сделал себя незрячим. Раскаяние само по себе не пользует нимало, благодати нельзя купить раскаянием, ее вообще нельзя купить. Подобное случалось уже со многими, великие и прославленные люди разделили судьбу нашего юноши. Однажды в молодые годы им светил свет, однажды им дано было увидеть звезду и последовать за ней, но затем пришел насмешливый разум мира сего, пришло малодушие, пришли мнимые неудачи, усталость и разочарование, и они снова потеряли себя, снова перестали видеть. Многие

Из романа Германа Гессе
«Паломничество в страну Востока»
(перевод С.С. Аверинцева)

из них всю свою жизнь не переставали нас искать, но уже не могли найти, а потому возвещали миру, что наше Братство – всего лишь красивая сказка, которой нельзя давать соблазнить себя. Другие стали заклятыми врагами, они извергали против Братства все виды хулы и причиняли ему все виды вреда, какие могли измыслить...

Подумать только, из месяца в месяц, из недели в неделю я проживал в этом городе, занимался своими записками о нашем Братстве и нашем паломничестве, спрашивал себя, существуют ли еще где-нибудь обломки этого Братства, или я, может статься, являю собою все, что от него осталось; более того, временами на меня находило сомнение, вправду ли само Братство и моя к нему принадлежность хоть когда-нибудь были реальны. И вот передо мною воочию стоял Лео, посланный Братством, чтобы привезти меня. Обо мне помнили, меня вызывали, меня желали выслушать, вероятно, меня требовали к ответу.

...Мне внезапно и со страшной силой сделалось ясно все: какое светлое волшебство окутывало меня в дни, когда я присоединился к сонму паломников в страну Востока, как паломничество это потерпело неудачу в силу коварных и по сути дела неизвестных причин, как после волшебство все больше и больше отлетало и какая скука, пустота, унылая безнадежность отовсюду обступила меня и проникла в меня с тех пор!

Но еще острее потрясало, изумляло, смущало и радовало меня великое открытие этого дня: Братство пребывало таким же несокрушимым, таким же великим, и это не Лео и не Братство покинули и разочаровали меня, но по своей же глупости, по своей немощи я дошел до того, чтобы ложно истолковать собственный опыт, усомниться в Братстве, рассматривать паломничество в страну Востока как неудачу, а себя возомнить последним ветераном и хронистом навсегда исчерпанной и ушедшей в песок истории, между тем как на деле я был не что иное, как беглец, нарушитель верности, дезертир. Понять это было страшно и радостно.